ных инициалов[1]). Вопрос же о том, какая роль в становлении и преобразовании определенного письма принадлежит строчным буквам, даже не возникает.

Наконец, оба автора, давая ряд местных определений отдельных свойств кирилловского и гражданского шрифтов, совершенно не касаются основной характеристики типов письма, кардинальной с точки зрения палеографической эволюции.

Рассмотрим последовательно слабые стороны каждой из этих трех избранных авторами позиций.

Конечно, новые типографские шрифты создаются и создавались выдающимися графиками — резчиками пунсонов, а мастера эти изучали, осваивали и творчески преобразовывали лучшие эпиграфические, каллиграфические и декоративно-типографские образцы. Но ведь никому не придет на ум представление о «создании» гражданского шрифта «1708 г.» (или его модификации 1710 г.) как о творческом акте, ограниченном пределами словолитной (соответствующей типографской) действительности и обособленном от всей рукописной практики. А в этой последней, при всем выдающемся значении достижений, манер и учений определенных каллиграфов, не их[2] деятельностью формировалось общее направление развития письма, но широкой общественной практикой.

Сдвиги, вызываемые появлением новых материалов и инструментов письма, новых форм книги и документа, а в еще большей мере — изменением самого состава письменности и социального круга пишущих и читающих, эти сдвиги всегда, на любом этапе развития письма и книги, играли несравненно большую роль, нежели та стилистическая законченность, шаблонность или, наоборот, оригинальность, которую грамоте придавали искусные нотарии или странице книги — монастырские писцы.

Следовательно, при рассмотрении той или иной стадии развития письма надлежит принимать в соображение в первую очередь общие тенденции этого развития, доминирующий характер основной нормы письма, а не бо́льшую или меньшую степень стилистической законченности оформления документа или книги (а тем самым не последовательность или случайность, умелость или беспомощность в подражании тем или иным элементам орнаментации). Пока в отношении первой позиции ограничимся этим чисто принципиальным соображением.

Роль прописных букв в различных типах письма, естественно, была неодинаковой. Оставим пока в стороне совершенно по-новому ныне решаемый вопрос об их исторической очередности.[3] Обратим сейчас внимание на то, что в любом виде капитального письма (а равно и в эпиграфике) никакого выделения прописных букв вообще нет, они еще не существуют как категория даже в тех, крайне редких при этом типе письма, случаях, когда имеется разделение слов или фраз; а в так называемом унциальном латинском письме их самостоятельность еще весьма относительна: отличаются они от строчных только размером, но отнюдь не рисунком. Лишь в письме минускульном (и, разумеется, в некоторых курсивах) прописные буквы обособляются в отдельный разряд, имея вполне ощутимую (хотя и не до конца реализуемую) тенденцию к приобретению очертаний, от-

---

[1] На стр. 83 своей статьи автор этот утверждение о том, что наиболее богат материал для сравнения в украинских изданиях, сопровождает оговоркой. «Правда, все это лишь прописные (It is true they are all capitals), но ведь как в церковнославянском, так и в гражданском алфавите прописные и строчные не особенно дифференцируются»

[2] То же относится и к граверам карт, титульных листов и т п

[3] См ниже, стр 524